

ГДЕ ПРЯЧЕТСЯ СЧАСТЬЕ?

Татьяна Золотаренко

Рассказы на душевные темы

16+

Татьяна Золотаренко
Где прячется счастье? Сборник
рассказов на душевные темы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63972331

SelfPub; 2021

Аннотация

Несколько историй жизненных, мотивирующих, назидательных. Герои рассказов пытаются найти ответы на важные вопросы и разрешить ситуации, в которых может оказаться каждый.

Содержание

История 1. «Разведите нас»	4
История 2. Болеть тебе некогда!	25
История 3. На самом деле	30
История 4. Пока есть шанс	40
История 5. Где прячется счастье?	54
История 6. «Как две мамочки третью судили»	63
История 7. Верить как ребёнок (о детдомовце и скрипаче)	67

Татьяна Золотаренко

Где прячется счастье?

Сборник рассказов на душевные темы

История 1. «Разведите нас»

Молодая пара обратилась в суд с заявлением о разводе. У мужа и жены скопилось множество взаимных претензий и выводов. И они для себя приняли однозначное решение. Но вот судья им попала мудрая и равнодушная...

– Разведите нас!

Ольга Николаевна приспустила очки и, сдвинув брови, смотрела на молодых людей напротив себя.

«Красивая пара!» – промелькнула невольная мысль у судьи. Но на восхищение времени не было: перед ней лежала папка с заполненными бланками о расторжении брака.

– Вот сразу так и развести? – со строгостью проронила пятидесяти трехлетняя женщина. – А что случилось?

Раскладывая перед собой бумаги из дела супружеской пары, Ольга Николаевна изучала детали, пока те невнятно бормотали объяснения. И настолько невнятно, что она вообще не поняла ни слова.

– Так. Высказываемся по очереди, – скомандовала судья тоном, не терпящим возражений.

В ответ на это Денисовы, как гласило свидетельство о браке, вообще смолкли. Судья смотрела на них исподлобья, ожидая, пока пройдет неловкая пауза. Но те только переглядывались и молчали. Лица изображали полное недоумение.

– Молодые люди, у вас фиктивный брак? – прямолинейно спросила Ольга Николаевна, ибо в последнее время такие случаи участились.

– Н-нет, – вытаращились те.

– Тогда давайте по порядку: причины расторжения отношений? Что у вас?

Видя, что ребята собираются с мыслями, судья великодушно принялась подсказывать:

– Измены?

– Нет, вроде, – с подозрением сощурилась на мужа Ирина Денисова.

– Зависимость? Наркотическая, алкогольная, компьютерная?

– Ну разве что немного... – кивнул Андрей. – Алкогольной.

– Ну и компьютерной, – стервозно выдавила жена, не гля-

дя в его сторону.

– Ты о своих соцсетях? – подыгрывая ей, съехидничал муж.

– Так. Ну вот. Что-то вырисовывается, – продолжая просматривать документы, пробормотала судья. – Отсутствие детей часто является одной из причин разводов... А у вас и ребенок есть. Максим Денисов, девять лет, – и оторвавшись от бумаг, женщина устремилась взглядом на заявителей. – Он здесь?

– Нет. Дома с бабушкой, – ответила монотонно Ирина.

– А он знает, где вы?

– Да, мы ему говорили, готовили, – вздохнув, сказал Андрей.

– Везите сюда.

– Кого?

– Ребенка! – чуть возмущившись в тоне, произнесла Ольга Николаевна. – Его мнение тоже нужно выслушать. В вашем присутствии, разумеется. Или вы против?

– Нет, конечно, – деловито стервозничала Ирина. – Пусть расскажет о том, какой у него папа хороший, – на последнем слове нарисовала в воздухе кавычки.

– И про папу, и про маму спрошу, – кивнула головой та.

– Так нам за ним ехать?

– Зачем? У меня к вам вопросы не закончились, – объясняла деловито судья. – И время не терпит, следующее заседание состоится сразу после вас. Его пусть бабушка приве-

зет. На такси, к примеру. Это ведь не проблема?

Смешливо закусив губу, она смотрела на молодых.

– Нет-нет, – заверил Андрей и схватился за телефон.

Разумеется, им хотелось ускорить пренеприятнейший процесс. Но казалось, судья как раз намеревалась его растянуть.

После проведения переговоров и выяснения всех организационных моментов по доставке ребенка в зал суда, Ольга Николаевна продолжила:

– Разногласия в семье? Религиозные, национальные, политические...

– Нет-нет, – отвечали хором.

– Насилие?

– В смысле?

– Кто-то над кем-то издевался, бил...

– Были сильные ссоры, замахивался... – успела выпалить

Ирина.

– Получал пощечины... – оправдываясь, говорил Денис.

– Мгм, – пробурчала судья, – всё?

– Ну...

– Живете у родителей, или в однокомнатной?.. Ага, нет!

Видю, своя квартира... три комнаты... делить собираетесь. Ну понятно. Автомобиль. Мгм. Оба трудоустроены...

Отодвинув от себя документы, Ольга Николаевна задумчиво осмотрела каждого и, вздохнув, спросила:

– Вы зачем пришли сюда, ребятки? Может, объясните

внятно?

У супруги зарделись щеки, но в сторону мужа она больше не смотрела. Тот, сцепив зубы, взглянул на строгую судью. Да, не в мужской привычке жаловаться, но этого требовали, и всем своим надутым видом и нервно сжатыми губами он демонстрировал желание высказаться.

– Не сошлись характерами, – наконец, процедил он. – Этого достаточно?

Сняв очки, Ольга Николаевна одарила его взглядом матери, готовой устроить своему взрослому чаду жесткую взбучку.

– Достаточно ли этого? – деловито скривив лицо, спросила она. – А вы как считаете? Ваше мнение? Вы пришли разорвать десятилетний союз, который за время своего существования произвел на свет ребенка, нажил имущество, небось, преодолел многие трудности... Было?

– Да, – с явным нежеланием кивнул головой Андрей. – Было.

– Так я должна знать причины этого решения! Почему люди, прожившие друг с другом в одном союзе десять лет, вдруг решились развестись! Я понимаю браки по два-три года – вот там могли характерами не сойтись. А тут что? Жили-были десять лет и... бац! – не сошлись они... Причины развода?!

– А зачем вам наши причины? – с возмущенным недоумением спросила Ирина, очевидно, едва сдерживая в себе

порывы обрушить на судью обвинения в том, что та лезет не в свое дело. Но нет-нет! Аккуратненько нужно. Потому приходится только нервно подергивать ножкой и поддакивать грозной тётке.

– А затем, милая моя! – с яростью выпалила Ольга Николаевна, чувствуя, как лицо вмиг покрылось пунцовыми пятнами. – Что заигрались вы в дочки-матери. Вы что думаете, семья – это вам шутки? Построили замок из песка и ножкой растоптать можно? Нетушки! Это труд! Это всегда адский труд, и чтобы сохранить плоды этого труда, вкалывать нужно постоянно! Не только нежиться в постельке и кофе ждать на подносике...

– Да вкалываю я! – вдруг зашлась плачем Ирина. – И на работе, и дома на износ! Так от него разве слова благодарности дождешься? Чашку за собой со стола не уберет!

– Да че ты начинаешь? – возмутился муж. – Это когда было? Я в последнее время даже убираю квартиру. Этого ты не замечаешь! Замечаешь то, чего я не делаю! А сама? От тебя ни ласки, ни заботы! Я живу один! Вроде как женатый мужик, а одинокий как волк. Прихожу с работы, жру сам. Ни слова доброго. Никто не поинтересуется, что на душе! Ах, да! Ты устаешь! А я вообще не устаю! Я ведь машина, да? Мне человеческого ничего не надо.

– Нужно! – взвизгнула со слезами Ирина. – Конечно, тебе все нужно! Это вот мне ничего не нужно! – и тут же обратилась к Ольге Николаевне. – Не любим мы больше друг друга!

Не любим! Чувств давно нет. Только быт и суета! А потому разведите!

– Та-а-ак, – с оптимизмом улыбнулась судья, – не любим больше – это значит, раньше любили! Отлично! А то есть, быт якобы съел ваши отношения, верно?

В этот самый момент раздался робкий стук в дверь и все трое устремились на вошедшего Максимку. Бабушка, судя по сходству, мама Ирины, неловко раскланялась и провела мальчика к стулу, на который им указали: в торце стола, приставленного к рабочему месту судьи.

Красивенный мальчишка с большущими зелеными глазами с недоумением посмотрел на сидящую перед ним уже знакомую женщину, потом робко взглянул на заплаканную маму и с недоумением уставился на отца. В этот миг с двух сторон ему протянулись руки, приглашая сесть рядом. Но мальчик остался на месте.

– Максим, – с некой мягкой строгостью начала судья. – Твои родители попросили меня об услуге. Знаешь, о какой?

– Знаю. Они не хотят больше жить вместе, – ответил холодно мальчик.

– Да, к сожалению, это правда, – безразлично вздохнула женщина. – Как ты сам к этому относишься? Ты хочешь, чтоб родители были вместе?

– Конечно, хочу!

– Несмотря на то, что они ругаются?

Мальчик с недоумением посмотрел на папу, потом на ма-

му, что-то с грустной улыбкой подсказывавшую, и сказал:

– Так они не ругаются!

– Нет? – изумленно приподняв брови, застыла судья. – Не ругаются?

– Нет.

– Интересно. А что они делают? Как проводят вместе время?

На какой-то момент мальчик задумался.

– Да никак. Они работают все время! Приходят поздно.

– Оба?

– Оба.

– А ты что делаешь, когда они задерживаются?

– Я остаюсь с бабушками. Бывает с кем-то из родителей.

Или дома один.

– Мгм. А о чем родители говорят, когда видятся?

– Я не помню. Что купить надо, например. Или сделать.

– А еще?

– Не могу вспомнить. Разговоры взрослые. Говорят обычно, чтобы я не вмешивался. Но вообще сейчас они редко общаются.

– Мгм. А раньше иначе было?

– Где?

– У вас дома? Тебе дома весело сейчас? Хорошо?

– Нет. Скучно. Раньше по-другому было.

– А как?

– На выходных мы ездили в парк. Или в детский комплекс.

И еще в кафе иногда ходили. И, бывало, вместе телевизор смотрели. Фильм какой-нибудь интересный... Ну такой, какой и мне тоже можно. Еще ходили в гости.

– А сейчас?

– Сейчас папа чаще у себя за компьютером. Мама телевизор смотрит, или кому-то пишет в телефон... или звонит. Или мама на кухне кушать готовит, а папа в магазине... Ну по-разному.

– По-разному и не вместе. А ты?

– А я у себя в комнате.

– Поняла, – судья что-то записала на бумаге. – А ты чем занимаешься? Какое твое любимое занятие?

– Не знаю, – пожал плечами мальчик. – Ну игры люблю. Компьютерные. Мультки.

– Часто играешь?

Мальчик посмотрел на родителей, папа попытался намекнуть на ответ и отрицательно качнул головой.

– Не знаю, – пожал плечами Максим. – Люблю играть.

– Я поняла. Спасибо, – сказала Ольга Николаевна. – Можешь идти.

Долгое время она что-то печатала, затем черкала в каких-то бумагах, и супругам показалось, что женщина просто занимается своими делами, а об их присутствии забыла.

– Простите, – претенциозно прокашлялась Ирина. – Мы еще здесь. Вы нас разведете?

– Возможно, разведу, – не отвлекаясь от монитора, отве-

тила судья. – Только я не знаю, какую причину указывать в протоколе. Я ее так и не смогла выявить. А вы конкретно ничего не отвечаете.

– Мы ответили... Неужели непонятно? – недовольно процедил Андрей.

– То, что вы ответили, это не повод для развода, милые мои! – вновь деловито заявила Ольга Николаевна. – Это повод обратить внимание на проблемы в отношениях. И на ребенка! А разводиться рановато вы надумали!

– Да не хочу я с ней жить, мама! – вдруг заорал Андрей. – И не буду!

И тут же, схватившись за голову, добавил:

– Если бы я только знал, что наше дело к тебе попадет...

– А к кому оно должно было попасть? – воскликнула мама. – Разумеется, тебя тут весь суд знает. Всё сразу ко мне попало. Нельзя было прийти к родителям за советом?

Да, своего судью ребята увидели уже здесь, на заседании. Хотели скрыть от родителей, потом рассказать. Но что тут скроешь? Везде глаза! Даже у каменных стен!

– Да надоело так жить, мама! Невыносимо! – вновь воскликнул Андрей.

– Вот именно! Поддерживаю вашего сына! – в сердцах подключилась невестка. – Если брак разрушен, к чему эти разговоры? Хотим новую жизнь начать. Этой уже пресытились. Обоюдно, поймите же!

– А с чего ты взял, что новая жена будет другой? – спро-

сила Ольга Николаевна и тут же повернулась к невестке. – С чего ты взяла, что новый муж будет во всем тебя устраивать? Через меня десятки пар в месяц проходят. И я уже вижу, когда у них действительно крах окончательный. А ваша проблема другая. Вы еще ничего не разрушили. Ваша проблема в том, что вы перестали создавать. То есть, с жиру беситесь, как в народе говорят. У вас все есть, и вы считаете, что ничего больше не надо! Научитесь ценить то, что имеете – так, между прочим! А причина ваших проблем знаете какая?

– Ну и какая? – сердито спросил Андрей.

– Вы перестали разговаривать! Конечно, вы не конфликтуете, я верю Максиму! Не ругаетесь... потому что не общаетесь! Каждый замкнулся в своих обидах, как в скорлупе. А если начинаете говорить, то слышите только себя! Не так? Из чего состоят ваши разговоры? Претензии? Сухие бытовые нужды, вроде «купи туалетной бумаги»? Или изливание накопленной злобы? Втихаря все, чтобы ребенок не видел? Хоть тут разумно поступили.

Два раскрасневшихся лица только насуплено уткнулись перед собой. Теперь вроде как задумались. А пришли поначалу с распушенными перьями, – каждый себя считал правым.

– Так вот, милые мои, я вас научу говорить и слушать! Не виноватых искать, а на себя смотреть! Иначе и родительских прав лишу за то, что ребёнок вашу жизнь не видит, и с гаджетом деградирует, пока вы друг перед другом характер

демонстрируете! Максюша ведь не таким был. Счастливый ребенок с лучистым взглядом. А сейчас? Он даже не поймет, как к вашему разводу относиться!

– Да он понимает все, мам! Ну взрослый. Может, ему так хуже, в такой семье жить!

– В это я поверила бы, если б у вас всегда было плохо. Но вы совсем недавно были счастливой семьей! И не бывает так, что все само по себе хорошо – всё надо облагораживать и поддерживать. Отношения – это как цветы в саду.

Нервно отбросив ручку, Ольга Николаевна что-то еще напечатала, громко клацнула по клавиатуре, чем, вероятно, поставила точку. После этого раздался звук включенного принтера.

– Хватит уже, как маленькие, в обиды играть, – вновь заворчала она, доставая по одному листу из лотка. – Давайте как взрослые спасать то, что имеете. Венчанные тем более! Вы что думаете, новое построить легче? Ан-нет, мои дорогие. Вы представьте себе: новые отношения все с нуля начинаются! Все! И если их начинать с тем же негативом внутри себя, с которым вы сейчас носы друг от друга вертите, то можете не сомневаться, что любые отношения новые и суперидеальные пойдут прахом. Потому что с себя начинать надо!

– Мама, что ты предлагаешь? – раздраженно поинтересовался Андрей.

– А я вам сейчас покажу что. И вам, и тем пяти парам, которые тоже играют в дочери-матери! Я вас разведу! Вы у

меня еще по второму ребенку родите! Вы у меня и уступать научитесь, и прощать! Заколебалась уже разводить всех подряд! Женятся, детей нарожают, денег накопят, а потом дели им всё. Ага! Вот мои условия выполните, потом посмотрим. А через месяц с отчётами милости прошу. И только если увижу по ним, что все безнадежно, тогда разведу! Слово даю! А пока семью свою спасайте. И психику ребёнка. Или вы думаете, ваш развод ему в счастье будет?

– Только не говорите, что отправите нас к семейному психологу! – взмолилась невестка.

– А зачем вам психолог? У вас кто-то находится на грани эмоционального срыва или депрессии? Или вы не умеете общаться друг с другом? Вы сами себе психологи! Ваша проблема – сплошь и рядом. Дело не в психологии. Обнаглели вы.

Воцарилась тишина. Чуть успокоившись, Ольга Николаевна выдохнула и произнесла:

– Помню я вас и любовь вашу. Помню, как заботились друг о друге. Теперь одни претензии и требования. От чего претензии, дорогие? – на глазах женщины сверкнули слезы. – От эгоизма. «Она обо мне не заботится». «Он мне внимания не уделяет». А если сделать это обоюдно? Картошки пожарить, пока жена на работе задерживается и вместе поужинать? Мужу...

– Да и так все для него! Я все сама по дому делаю, – воскликнула Ира. – Да, иногда поможет. Но а так – скупись, убе-

рись, постирай... И у плиты сутками. Сами знаете...

– А почему, когда он болеет, звоню тебе, спрашиваю, чем он лечится, ты мне отвечаешь: да что-то пьёт там. Почему, он звонит мне, рассказывает о проблемах на работе и произносит: «Только Ире не говори!» Вы же семья, всё вместе должны делать. Или вы думаете, семейные отношения – это полный холодильник и убранный квартира? Если в этом крах, распределите обязанности: один обед готовит, другой убирает. Работаете ведь оба! Или пусть жена дома сидит, а муж деньги зарабатывает, как и положено. Но зато вы семью спасете! А то требований много, а понимания ноль!

– У нас любви нет, какая семья?

– Любовь – это союз. Вместе. Всё вместе. А не каждый в своем гаджете. Истребить их надо, гаджеты ваши! Тогда видеть друг друга будете! И вспомните, как любить!

Выйдя из зала суда, Андрей нервно расправил отданную мамой бумагу с рекомендациями.

– Что там? – нетерпеливо спросила Ира.

– Квест на сохранение отношений, – пробормотал он, изучая содержание.

– Так и написано?

– Нет. Но похоже.

– Что-то сложное?

– Да нет. Обыкновенное. По сути, ничего не значащее. Можно сделать пару раз, чтоб отстала, – Андрей был явно

раздражен маминым вмешательством. – Потом придем, принесем отчеты. Тут по два слова или просто птички в графах, тоже можно пережить. Ну и после этого она сама убедится, что ничего нас не спасет. Найдем, что написать, отмажемся. И распрощаемся. Правда?

Он посмотрел на супругу и почему-то смолк, впившись глазами в каждую морщинку на ее лице. Господи, а ведь в этом взгляде столько родного! Вот она лицемерила: улыбнувшись и спрятав грусть в уголках губ. Затем попыталась приободриться. Не получилось. Сейчас она ответит: «Конечно. Все получится!».

– Конечно! Сделаем! – ответила Ирина и прошла к автомобилю, где их ждал Максим с мамой.

Глядя ей вслед, Андрей почему-то не сдвинулся с места. Наверное, потому что не хотел проявлять решительность... ведь она требует сделать выбор. Если два часа назад этот выбор был очевиден, то сейчас он понимал, что может о нем пожалеть.

Ведь, правда, жена за эти годы стала родной, вот каждую мелочь о ней знаешь, как о собственной маме. Неужто нельзя принять её такой, какая она есть? Именно так, как принимаешь своих родителей...

«Памятка. Подлежит обязательному выполнению. В прикрепленных бланках делать отметки.

1) Раз в неделю выезжать всей семьей на отдых (любые места развлечений и досуга).

2) Созваниваться в течении дня минимум два раза – на обеде и в конце дня, интересуясь делами или настроением мужа (жены).

3) Обнимать ребенка минимум по пять раз в день каждому.

4) В конце дня мысленно отмечать, что хорошего сделал супруг, и хвалить его. Искать, за что хвалить. Если не за что, попросить об услуге.

5) Ужинать каждый вечер только втроём.

6) Спать только в одной постели.

7) Каждый вечер интересоваться прожитым днем супруга и рассказывать о своем.

8) Соблюдать вечера воспоминаний – говорить о своем детстве, о приятных мгновениях, листать свадебный альбом, снимки после роддома.

9) В случае конфликта рассуждать на тему: «В чем я был неправ? Не супруг(а)! А я». Разложить по пунктам.

10) Хвалить родителей мужа/жены и находить их преимущества. Вслух. (всегда есть, за что хвалить и чем быть довольным). Только хвалить!

11) Ребенка занять секциями по интересам, образовательными и развивающими кружками. Играть с ним в семейные игры без техники.

12) Ни при каких обстоятельствах не повышать тон, уж тем более до оскорбительного!

Через месяц Ольга Николаевна, нервничая, ждала своих детей на заседание. Опаздывают. Ну ничего, она подождет. Она все понимает.

Они не виделись весь месяц. Бабушка созванивалась только с внуком, интересуясь его делами. Но это не значит, что материнское сердце перестало болеть за жизнь сына и невестки, ставшей уже родной дочерью за эти годы.

Мало кто знает, что некогда грозная судья и решительная женщина Ольга Николаевна стала сентиментальной и отчаявшейся. Изменилась она, вместе с тем и изменилась ее жизнь.

Теперь любимым местом Ольги Николаевны стал не суд, где ранее она урочно и внеурочно занималась вершением судеб... Теперь ее душа рвалась в тихий храм на краю города.

Приедет, сядет в уголок около Распятая и плачет о своей жизни, в которой все хотелось изменить... Вернуть семью, бездарно разрушившуюся много лет назад, возродить тепло и уют, обеспечить нормальным детством и отрочеством своего единственного сына. Ведь вырос бы он в полноценной и счастливой семье, разве стал бы сейчас вопрос о его собственном разводе?

«Господи, Твоя власть на все. Человек не имеет власти», – вторила мысленно женщина, ибо сама уже давным-давно убедилась, что порой люди бессильны в решении своих проблем, **да и судья истинно справедливый один – Тот, ко-**

торый управляет миром. Ведь законы, написанные человеком – поверхностные, противоречивые, ориентированные на личную выгоду.

Ничего люди не могут знать о справедливости, даже если по профессии они – судьи. К этому выводу Ольга Николаевна пришла только сейчас, на склоне лет, когда скопилось то, о чем жалела и всем сердцем хотела исправить. Это не так давно она поняла, что нельзя принимать решение опрометчиво, на эмоциях.

Эх, дети... поняли бы вы смысл жизни уже сейчас, ценили бы каждое мгновение. Бились бы за семью не друг с другом, а со своими пороками. Ведь в них все дело!

А Ольга Николаевна по себе знает, что развод – это совсем крайняя мера. Это нужно тогда, когда реально невозможно ничего сделать. Когда безнадега полная. Нужно все методы пробовать, изо всех сил стараться, чтобы спасти самое ценное – семью, отношения, детей.

Все потому, что за плечами женщины был горький опыт: когда Ольге Николаевне стукнуло тридцать, она вдруг решила, что живет неправильно. Все проблемы соединялись в муже, она посчитала, что именно неверный выбор спутника жизни стал причиной всех зол.

Это потом, после мучительного развода, дележки имущества, ссор и скандалов, она поняла, что дело изначально было в ней, в желании править и везде судить: дома, на работе, в общении с близкими. И так тяжело осознавать, что все

могло сложиться иначе, если бы ты просто научилась понимать, уступать и порой принимать любимого человека с его недостатками. Ибо **идеалы уже давно не существуют даже в кино.**

Но, увы, это признается, спустя годы удрученного одиночества, а оно является тогда, когда взрослые дети уходят из дома, и выясняется, что разделить жизнь тебе не с кем. Поэтому, когда видишь у ребенка ту же проблему, всеми силами стараешься уберечь его от ошибки.

Поглядывая на дверь, Ольга Николаевна нервно отбивала по клавишам компьютера. Не придут. Становилось понятно, что дети проигнорируют заседание. Знать бы только, хорошо это или плохо.

Но вместо детей появилась секретарь и передала от них бумаги: отчеты и новую памятку.

«Чек-лист «Маленькие секреты семейного счастья» от Денисовых:

- 1) Говорить по душам, откровенно и честно, но обязательно с любовью.
- 2) Готовить сюрпризы. Маленькие, приятные, внезапные.
- 3) Собираться с родителями на посиделки.
- 4) Строить совместные планы и мечтать.
- 5) Высказывать претензии без претензий, а с любовью и пониманием.
- 6) Давать друг другу некоторое время на личное про-

странство (без энтузиазма).

7) Говорить «люблю». Всегда и без повода.

8) Почаще обниматься, касаться друг друга, писать нежные сообщения.

9) Объяснять поступки мужа (жены), оправдывать. Если не получается, откровенно спросить у него (неё): «Почему?»

10) Быть верным и мыслями, и душой, и телом.

11) Жене чаще соглашаться с мужем.

12) Мужу чаще заботиться о жене.

13) Молиться о согласии в семье.

14) Создавать что-то вместе. Все время. Облагораживать и обустраивать.

15) По мере возможностей выезжать на отдых из города.

16) Делиться мнениями. Обо всем. Всегда.

17) В семейный день устраивать время офлайн – без интернета и гаджетов.

18) Всегда советоваться и спрашивать мнения супруга, прежде чем что-то сделать.

19) Никогда не повышать голос на ребенка.

20) Никогда никому ничего не указывать. Согласовывать, договариваться, считаться, объяснять, искать компромисс...

21) Благодарить... друг друга, родителей, Бога».

Самое сложное – это понять смысл того, что нужно сделать во имя спасения чего-то.

Самое важное, перед тем как сделать ответствен-

ный шаг, ответить на вопрос: «А зачем я это делаю? К чему приду и что получу?»

Самое нужное соизмерить душевные потери и приобретения.

И самое первое, нужно понять: «А точно ли ты сделал всё, что мог?»

А силы и чувства могут прятаться глубоко в тебе, под обидами и гневом, от которых лучше избавляться сразу...

История 2. Болеть тебе некогда!

На улице тоскливо покрывает дождь, отбивая по желтым листьям осеннюю капель. Его слезы падают на стекло и поспешно стекают тонкими струйками, растворяясь и немного искажая спешащие за окном силуэты с зонтом. Сквозь водяные полосы и растянутые серые тучи, ближе к горизонту солнечные лучи настырно прорезают небо, будто пытаюсь прервать эту осеннюю процессию. Холодно и зябко.

Завернувшись поуютнее в плед, я пью чай, изредка с досадой поглядывая в чашку. Обидно. Это утро началось не с ароматного зеленого чая с лимоном... А с химического состава, залитого кипятком, с едким запахом и витамином С. А все потому, что я заболела. И не чем-то там, а именно этим злосчастным вирусом, которого панически боится весь мир.

«К чему трястись из-за того, что больше раздуто из пальца?» – всего пару недель назад беззаботно говорила я.

А сегодня – температура под 38, дикая слабость ... страх... навязчивая мысль: а если я умру? Но ответ уже давно и прочно засел в моей голове: «А почему это я должна умирать?»

И вообще, мне нельзя умирать! В офисе отчет закончить надо! Кто его сделает: Ленка «дырявая голова» или Олька криворучка? А еще дочь слезно просила на именины торт

испечь. Да и родителям нужно продукты завезти. Не, некогда умирать.

Если я умру, то как же без меня все мои? Они ведь не справятся!

Вот муж, к примеру. Разве найдет с утра свои распрекрасные спортивные носки? А домашку с ребенком подготовит? Да у него же нервов не хватит! Ему и так на работе достается... А мне? Разве мне легко? Нет, конечно. Но я к этому отношусь проще. Игнорирую и все. Кто мне здоровье возместит, и нервы восстановит? Да что уж там! Даже вылечить заразный вирус не дают – требуют завтра быть на рабочем месте.

Все мы привыкли видеть в своей болезни немощь, уныние, слабость. А ведь есть в ней столько смысла... Глубокого и жизненно-важного.

Вот, к примеру, когда ты болеешь, то понимаешь, что до этого момента всё было не так уж и плохо. И нечего было ныть на повседневные мелочи. И не надо было жаловаться на однообразие и рутину. Можно было обойтись и без ропота на всегдашнюю домашнюю работу, ведь, когда валяешься часами на диване, так хочется быть здоровым и что-то делать, только бы поскорее стать на ноги.

Естественно, когда ты болеешь, имеешь возможность отдохнуть. Незначительную... потому что, скорее всего, нормально поболеть тебе не дадут. Но все же, ты освободишь себя от части обязанностей из-за физического состояния

«нестояния». И выяснится, некоторые дела не такие уж и срочные, можно пока обойтись без половины того, что ты тянешь ежедневно, как ломовая лошадь.

А еще, когда болеешь, то начинаешь реально понимать, что ты не вечен и те планы, которые строил вчера, на самом деле, имеют минимальный смысл, или не имеют его вовсе. Потому что, если ты умрешь, умрут и твои планы. А то есть, они временные, еще более непостоянные, чем ты сам. А значит, среди всех планов, должно быть первое и главное – обнять родных и признаться им в бесконечной любви.

А еще, быть может, до болезни ты сильно спешил жить, много суетился и делал напраслины, и теперь есть возможность остановиться и посмотреть вокруг себя. А когда ты останавливаешься, наблюдаешь и думаешь о важном, выясняется, что в жизни столько лишнего и пустого!

Когда болеешь, то понимаешь, что своим родным ты нужен полным сил и здоровья, ибо на тебя столько надежд!

А еще во время болезни часто вспоминаются те, кому ты, будучи здоровым, отказал в помощи. Наверное, потому что сейчас ты и сам не против чьей-то заботы. Да и кто знает, может, Бог не зря давал тебе возможность быть для кого-то полезным – у тебя имелись силы для этого. Ведь не зря говорят, если Он дает, надо брать... Вдруг это доброе дело зачтется в Небесных кулуарах, и тебя беда обойдет стороной.

Или нет... бывает, когда заболеешь, ты понимаешь, что жил ради других на износ. Как же тогда добрые дела? На-

верное, они нужны, но не в ущерб себе. Ибо, как показывает практика, от твоего «износа» страдают и близкие. Нужно расставлять приоритеты и оставлять силы на «черный» день.

А еще, когда ты болеешь, то чувствуешь себя немощным и никаким не особенным, а бессильным. Ты понимаешь, что на самом деле, сила не в тебе, а в Том, Кто дал тебе жизнь. Он-то даёт и болезни, и исцеления. Для науки и укрепления. И как понятно это становится потом, когда выздоравливаешь.

А еще хочется простить всех, кто насолил. Если подумать, чужую злость лучше проигнорировать, ведь, чаще всего, в ней нет никакого смысла. Зло – это пустота, которой мы придаём слишком много значения. Это становится понятно, когда тебе плохо и твои надежды только на Бога. А Бог прощает и любит. Все прочее – человеческое и, чаще всего, напрасное. Одни напрасно желают кому-то зла, другие напрасно его принимают, злясь в ответ.

А еще, во время болезни у тебя меняется мнение о врачах, то в одну, то в другую сторону. И все чаще приходится понять, что врач – человек подневольный, и он тоже ходит под Богом. А значит, молись Богу, и Он тебе пошлёт хорошего врача.

А еще, когда ты болеешь, хочется отключить телефон... Чтобы отлежаться, выспаться, никого не слышать. Но он настойчиво вибрирует, трезвонит, пиликает. А вот мамочке нельзя не ответить в любом состоянии, ибо через час после

игнорирования звонка тебя подадут в международный розыск.

– Алло, мамуль. Как дела?... – едва слышно говорю я (горло болит невыносимо). Но мамин голос... и объяснения... и новости... – Как заболела?.. Чем?.. Температура?.. Мамочка, ты что?!

Так хочется плакать навзрыд: я переживу, пройду, справлюсь, но только не близкие!

– Сейчас нельзя болеть, родная моя! – Надрывисто кричу в трубку я. – Так, ничего не делай! Никуда не ходи! Я сейчас примчу! Забегу в аптеку и куплю все лекарства. Да, приготовлю вам кушать. Ничего, маску надену, не обниму тебя... Не переживай, и Ваську вашего покормлю. Я? Я уже нормально. Выздоровела. Все. Целую. Скоро буду.

Эх, когда тут умирать? Тут и поболеть у тебя времени нету. Нужно мчаться спасать мир... заботиться... кормить... делать отчеты... ну и избы тушить, вдруг чего...

История 3. На самом деле

Менеджер всегда должен быть ниже клиента. И обязан помнить, что он – обслуживает, а кто-то – принимает услуги. Наверное, в нашей стране люди этого никогда не поймут и будут выпендриваться даже, если это противоречит нормальной логике: «Хочешь продать – умей предложить». Ладно, это уже маркетинговые приемы, на которых, кстати, интересным образом замешана наша жизнь.

Но так я активно развивала мысль о чужом высокомерии, пока со злостью на затянувшийся процесс ожидала продления своего договора с банком. Напротив меня восседал, будто на троне, банковский сотрудник с надменным, как мне казалось, выражением лица.

«Ну вы посмотрите на нее... Совершенно работать не хочет!» – мысленно негодовала я.

Телефон ее судорожно вибрирует. Возьми трубку! Наверняка звонят по делу, возможно, за консультацией. А она будто не видит, продолжая с недовольной физиономией нести какую-то, триста лет мне ненужную, ересь. Да не по тому я вопросу! Забыла? Зачем мне эта ерунда?

Честно сказать, я не вникала в монотонно проговариваемую информацию, поскольку она была мне навязана вопреки моему комментарию «Спасибо, не интересуется». Я спешила! И потому еще больше раздражалась.

– Девушка, по факту можно? Я ви-ай-пи-клиент, – высоким тоном произнесла я, сделав ударение на последних словах. – Перезакключаем договор и ухожу. Нет времени слушать... При необходимости я сама проявила бы интерес к тому, о чем говорите.

Думаете, подействовало? Девушка с красным галстуком, повязанным вокруг шеи, как у пионера, продолжала делать вид, что не слышит меня, впялившись в монитор неестественно белым лицом. Такое впечатление, что туго ображает. И этот непрестанно вибрирующий телефон!.. Я нервно выдохнула, всем видом демонстрируя свое недовольство и надеясь на то, что она поторопится изменить ситуацию. Или хотя бы извинится.

Что там исправлять, в этом договоре? Просто продлить: обыкновенная формальность на пять минут работы... Но девушка в прострации растянула это мгновение на полчаса.

Дабы успокоить свой нарастающий гнев, прихожу к мысли, что сердиться на нее – это не совсем правильно. Каждого клиент-менеджера (или как их там величают в банковских учреждениях) обязывают предоставлять рекламную информацию параллельно с обсуждением основного вопроса. Но порой эти сведения совершенно не уместны, потому я посчитала своим долгом поторопить девушку.

Ладно, еще признаюсь: мое настроение желало лучшего. При воспоминании об этом я начинала злиться еще больше, томно закатывая глаза и сжимая ручку от сумки.

Ну что? Пожаловаться на нее, что ли? Пойти к начальнику? Почему это я, клиент банка, должна сидеть и три часа ждать, пока кто-то мозги в кучу соберет? Если в течение пяти минут она меня не отпустит, пойду к администрации. Вроде не новенькая, но тупит, будто впервые.

Мое мысленное негодование прервала вторая сотрудница, раскланявшаяся передо мной в извинениях и тихо обратившаяся к коллеге:

– Мне дозвонилась твоя мама, тебе не смогла.

Та с побелевшим лицом в ожидании уставилась на коллегу, затем с опаской – на меня. Я снисходительно закатила глаза: да беседуйте, может, процесс ускорится! И хотя они старались говорить тихо, все слова оказались мной услышанными.

– С малым все хорошо. Зашивать не стали. Обработали, перевязали, домой отпустили. Не переживай.

– Слава Богу, – тихо выдохнула та. – Я сама не своя.

– Давай я тебя подменю?

– Нет-нет, теперь все нормально.

«Ну ты и стерва!» – на секунду опешив, подумала я о себе. Такую демагогию в своих мозгах развела... Из-за чего? Меня, императрицу, не так обслуживают! А у человека на самом деле несчастный случай с ребенком... А с работы, небось, не отпустили, как принято у многих наших работодателей... Или отпрашиваться не решилась. Представляю, каково человеку.

– Девочки, не беспокойтесь, – тихо сказала я. – Лучше завтра приду. И простите меня.

Да, нашла в себе силы честно признаться и сказать это вслух. Так и есть, что там говорить? Хотя порой не так просто переступить через свое царское «я».

Сильно ли я спешила? Оказывается, нет. Обыкновенные домашние хлопоты. **Всегда нужно оставаться человеком и всегда нужно понимать – у каждого из нас есть свои причины на какие-то ошибки или на то, что кого-то может не устроить.**

Ситуация стала пищей для ума на оставшуюся дорогу домой. Продолжая мысленно ругать себя за бесчувственность и прочие проявления гордыни, еду в маршрутном такси, умотившись у окошка на теплом пассажирском сидении, когда вдруг почти у самого уха приятный мужской тембр:

– Девушка, вы так очаровательны...

Непроизвольно обернулась, разумеется, с мыслью отшить этого мурлыкающего кота. А он, на самом деле, обращался не ко мне. Юноша лет двадцати открыто флиртовал с женщиной возрастом под тридцать. Отвернуться я не смогла, вопреки очередному проявлению невоспитанности. Даже немного позавидовала.

Да, она лепетала об отсутствии привычки знакомиться с молодыми людьми в общественном месте, о полной занятости и прочих преградах, но ее неуверенность и горящие глаза слишком очевидно подчеркивали желание продолжить

флирт.

Да, мы, женщины, податливы комплиментам и приятным замечаниям, а юность парня в этом случае не стала помехой мужской учтивости. Как результат в дополнение сияющему взгляду женщины – смущенный румянец на щеках, приятно сковавшая лицо улыбка и игра глаз «почти согласна я».

Невольно улыбнувшись, я поймала себя на мысли, что слишком пристально рассматриваю пару. Поэтому отвела взгляд, но... сразу же вернулась с обычной целью любопытства: обратить внимание на безымянный палец женщины. И вместе с тем, само собой, мой взгляд упал на руки парня, уже опустившиеся... в женскую сумочку! Ах, так вот оно что, на самом деле!

– Может, все-таки в кофейню? – не унимался паренек, лукаво заглядывая той в глаза.

И тут я не удержалась и прервала его фальшивое воркование дерзким вопросом:

– А меня пригласить не хочешь?

Тот испуганно выпучил глаза, выдернул руку из сумки, а затем смущенно улыбнулся и ответил:

– Вас – нет.

– Интересно, почему? – театрально удивилась я. – Потому что моя сумочка закрыта, а ее уже нет?

Жертва опустила изумленный взгляд на свое имущество и, обхватив руками, прижала к себе.

– Ах ты мерзавец малолетний! – воскликнула она, зама-

хиваясь на мальчишку.

– Не надо, тётенька! – вдруг завопил он. (Ага, значит, уже тётенька!) – Меня заставили. Я друзьям проспорил! Простите меня!

К агрессии оскорбленной женщины присоединилась бабулька, принявшаяся за компанию стегать парня, защищавшегося от ударов собственными руками.

На его счастье двери маршрутки открылись, и он вывалился в них, падая, поднимаясь и убегая со всех ног восwoяси.

– Молодая, бессовестная, – упрекающий тон женского голоса заставил меня вновь вздернуть голову, отвлекаясь от удирающей фигуры воришки, уже спрятавшего лицо под капюшоном и прикурившего сигарету.

Бабулька, еще не оправившаяся от воспитательных пинков в сторону парня, стояла чуть поодаль от меня, у льготных сидений, и помыкала какую-то молодую особу.

– Вот налицо наше воспитание: одни воруют, другие – никакого почета к старшим и инвалидам.

Рядом с сидящей девушкой стоял мужчина, молодой, но с палочкой. На соседнем сиденье, уткнувшись в окно, сидел мужик лет пятидесяти. Позади «невоспитанной» пассажирки ехал парень в наушниках – ясное дело, причитаний злобной тётки не слышавший.

Бабка продолжала ворчать, очевидно, решив вывести из себя не только девчонку, но и всю маршрутку. И в определен-

ный момент ее упреки все-таки одержали верх, и девушка встала со своего места... явив на всеобщее обозрение большущий живот, точно с пузожителем внутри.

– Присаживайтесь, мужчина, – тихо сказала она инвалиду, а тот остановил ее за руку.

– Что ты! Не такой я и немощный. А ты вон на сносях. Сиди, сиди. Не слушай ты эту каргу старую.

– И правда, вы че на девушку набросились? – возмутился кто-то из пассажиров. – Рядом с ней мужик сидит, в расцвете сил, его толкнули бы. Или этого «глухаря» в наушниках.

Народ оживился, начал бурно обсуждать происходящее.

Бабулька извинилась перед девушкой, после чего покрасневшим лицом вперилась в объявление перед собой.

А я продолжила анализировать произошедшее на моих глазах за последний час.

А ведь правда: **на самом деле почти всё не так, как мы привыкли видеть. Почти все подозрительное, необъяснимое, малознакомое имеет совершенно иное представление, чем нам кажется.** И всю эту неделю я в этом убеждаюсь. Наверное, Бог на что-то хочет открыть мне глаза?

Например, механик бытовой техники, а по совместительству лодырь, желающий заработать и затянувший ремонт твоей стиральной машинки, без которой у тебя собралась куча белья, на самом деле, лежал две недели в больнице с воспалением.

Ребёнок, который капризничал и выносил весь день родителям мозг, на самом деле, не демонстрировал свой характер, а просто начинал болеть.

Женщина, которая уставилась на тебя и наверно, такая-сякая, сглазила, заметила державшуюся на "соплях" пуговицу твоего пальто. Почему не сказала об этом? Потому что ты на неё посмотрела так, будто она тебя обокрала.

Мама, которая постоянно ругала и «строила» тебя, на самом деле обижалась, что ты мало уделяешь ей внимания и просто давно ее не обнимал.

Бабушка, которая задаёт глупые и одинаковые вопросы, на самом деле, плохо соображает по причине возраста и уже не запоминает ответы.

Твой телефон накрылся не потому, что ребёнок его уронил, а потому что до этого он падал пятьсот раз и это не могло пройти для техники бесследно.

Урод-водитель, который едва не сбил пешехода и «лыка не вязал», не был пьян, а на самом деле, в дороге у него случился инсульт.

Брат, эгоист, не звонит тебе, потому что ты не поздравил его позавчера с профессиональным праздником. И вообще, вспомни, когда ты сам ему звонил.

Сестра не приходит к тебе потому, что ты обещал зайти вчера, она весь вечер прождала, а ты даже забыл отзвониться.

Мама твоя узнала, что ты куришь не потому, что подруга

сдала тебя, а потому что дневник свой прятать нужно понадежней.

Парень-козёл бросил тебя не из-за того, что ты растолстела, а потому что перестала уделять внимание его проблемам, зациклившись на своей фигуре.

Богатый и зажавшийся миллионер, работающий только для того, чтобы «набить себе карман», на самом деле, отправляет весомую часть прибыли в детские дома и больницы в память об ушедшей из жизни супруги.

«Алчный» священник, который насобирал себе на авто, на самом деле, должен успевать уделить внимание как минимум десяти в день нуждающимся в его внимании людям.

Невнимательная мать чужого ребёнка, которого ты считаешь запущенным, на самом деле, одиночка и вынуждена выполнять обязанности за двоих родителей для своего чада, но, разумеется, не все успевает держать во внимании.

Невежа-одноклассник, которого ты хотел пригласить на встречу выпускников и не ответивший на телефонный звонок и не перезвонивший, на самом деле, был в тот момент с супругой в роддоме, где у них случилось пополнение.

Вечно недовольная и неприветливая соседка, которая слова доброго никогда не скажет в ответ на твою улыбку, на самом деле, давно переживает трагедию в личной жизни, и всеми силами старается это скрыть от общественности.

А книга с банальным началом, на самом деле, таит в себе взрывной сюжет и массу полезных и неординарных вещей.

Почему только кажется, что весь мир крутится вокруг тебя и все должны непременно уделить тебе внимание – недовольством или, напротив, учтивостью?

На самом деле всё может быть не так... всё не так! Нужно об этом помнить, чтобы ненароком не обидеть кого-то, не заслужить для себя чей-то гнев, не оказаться эгоистичным и мелочным, не пропустить из виду счастливый шанс, не тратить время на бесполезные и ненужные тебе вещи. Нужно просто быть человеком, хоть иногда понимающим другие души. Потому что даже посторонних людей порой нужно уметь оправдать. Чтобы не оскотиниться.

И для того, чтобы иметь чистую совесть, нельзя о ней забывать... на самом деле.

История 4. Пока есть шанс

– Умоляю тебя, Алинка, не делай аборт! – причитал Роман, стоя на коленях перед девушкой, в которую был влюблен еще со школы. И только недавно, спустя несколько лет после отзвучавшего выпускного бала, она приняла его ухаживания.

– А что делать? – взвыла девушка, со стыдом закрывая лицо руками. – Рожать?

– Но ведь это ребенок!..

– Там еще не ребенок!

У Романа ком стал в горле.

– А кто? – только и спросил он.

– Рома, ты понимаешь, что такое воспитывать чужого? – возмутилась Алина, игнорируя его вопрос и снова опуская слово «ребенок». – Ты хотя бы на миг себе это представил? Мы с тобой встречаемся всего неделю... А до этого я была с ним...

– Да я люблю тебя, Алька... Ты ведь знаешь, что давно люблю! Ну и пусть он – биологический отец... А я стану настоящим!.. Слышишь? Я дам этому ребенку всё, что будет в моих силах... Он ведь от тебя! Как ты не поймешь?

Закрыв опухшие от слез глаза, она нервно выдохнула.

– Встань! И прекрати, пожалуйста, этот цирк. Решение

принято! Портить жизнь тебе и себе я не буду. Да и что ждет ребенка? Неизвестно! Потому что сейчас это видится легко, а потом... потом начнутся бытовые проблемы... В общем, давай оставим эту тему. Да и... к чему ребенок сейчас? Плодить нищету? Мне еще учиться целый год...

– Какая нищета? Да ведь я работаю!

– Забыли, Рома! Всё!

На следующий день Алина уже ехала в общественном транспорте в больницу. Подумаешь, решиться-то! Сколько девчонок из ее «потока» это уже делали. А некоторые – не один раз.

Да, хотелось, чтобы все было иначе. Хотелось начать отношения с Романом не с этого трагичного листа. Но... некоторые вещи спланировать человеку не по силам.

Всё вокруг плыло в какой-то прострации. Мысли, мысли, мысли... В голове их крутилось безмерное множество, хотелось поскорей избавиться от них и не думать. А это возможно только при условии освобождения ее тела от лишней ноши.

Электронный голос водителя звучал будто из какого-то другого мира, и Алька машинально вслушивалась в его звучание. Не в слова – в сам звук, казавшийся ей умиротворенным. Люди заходили, выходили, монотонный гул толпы, висящей на поручнях, тоже немного успокаивал.

Временами она отвлекалась на происходящее вокруг: какая-то бабулька застряла в дверях с мешком картофеля...

Хотелось спросить: «Бабушка, куда вы его прёте с утра пораньше? Люди на работу едут, на учебу, по делам серьезным! А вам срочно надо вдавливать этот мешок в набитый трамвай!»

Потом взгляд упал на парня с девушкой прямо у ее сиденья... Воркуют, временами чмокают друг друга... Наверное, всю ночь провели вместе...

А она всю ночь не спала. Все думала да представляла себе: «Что будет, если рожу? А как получится, если аборт сделаю?»

Полусонный трамвай следовал в своем направлении. И время от времени Алина, отвлеченная повседневными реалиями этого утра, возвращалась к своим мрачным мыслям.

А может, оставить все-таки? Может послушать Ромку? Что тогда? А тогда ей казалось всё очевидным: Роман после рождения ребенка быстро смотает вещички и уйдет, как сделал это Сергей. Кому она нужна с ребенком на руках? Никому. Себе. Ну, может, маме. А с мамой до старости жить не будешь.

В этом состоянии нервного ожидания незаметно для себя Алина оказалась на приеме у врача по предварительной записи на операцию. Всё прошло как-то быстро, несмотря на утомительное ожидание, и «препятствие» на пути к спокойной жизни было устранено. Такое облегчение пришло после этого! Так тяжело было решиться, и так легко стало потом.

«Господи, как это просто!», – подумала она, лёжа в пала-

те после короткой операции. Рядом будущие мамочки на сохранении, непрестанно раздражающие разговорами о своих желательных беременностях, и она... с нежелательной... и уже устранившейся.

Да это быстро забудется! Просто, как удаление бородавки. дискомфорт, стремление избавиться, а потом поныло чуть и – облегчение. Воспоминаний оно не стоит.

И она не поверила бы тому, кто осмелился бы заверить ее, что через несколько лет она будет проливать слезы из-за невозможности исправить ошибку... Ведь есть такие ошибки, которые становятся ярмом на всю жизнь!

Это произошло тогда, когда в ее медицинской карте небрежным врачебным почерком был вынесен приговор: «Бесплодие». И шокированная Алина точно знала, что причина в аборте.

Теперь хотелось схватить календарь и лихорадочно отлистать несколько лет назад... чтобы появилась возможность ответить: «Да, Ромка! Я оставлю этого малыша!». Даже если бы он не смог воспитывать чужого, она-то растила бы своего! И деньги нашлись бы. Говорят ведь: «Дает Бог дитя, даст и на дитя».

– О чем я тогда думала? – зарыдала она в трамвае по дороге домой.

Да не смущали люди... не смущали... смотрели с жалостью, – ну и пусть! Когда так сердце разрывается, нужно пла-

кать.

Ведь в голове крутилось столько мыслей, как в тот злополучный день: они поженились, они любили друг друга, но отсутствие детей обоих угнетало. До такой степени, что Роман начал медленно, но уверенно спиваться, а Алина настолько погрязла в депрессиях, что едва своими руками не... оборвала собственную жизнь... И сейчас в порыве боли появлялись мысли завершить незавершенное тогда...

– Бесплодна, девочка моя? – вдруг услышала Аля и подняла взгляд.

Рядом сидела бабулька, а вокруг... вокруг больше никого не было. Будто все испарились. Наверное, в своих рыданиях, Алина не заметила, как все вышли.

Откуда бабке известно? Опустив взгляд на руки, она увидела распахнутую медицинскую карту со вздутыми от слёз листами.

– Неприлично заглядывать... – выдохнула Аля.

– Неприлично... да ты так ревешь, что помочь тебе хочется!

Смолкли. Алина чувствовала, что бабка уже готовилась обрушить поток вопросов, но задумчиво плямкала губами.

– Аборты были? – наконец, решила она.

– Были, – кивнула Алина и хотелось выпалить «и без вас знаю, что причина в этом».

– Да, последствия детоубийства ужасны, – говорила с грустью бабулька. – По себе знаю. Мне-то Бог дал детей после

аборта, а только один из них – инвалид, другой – неблагополучный. Говорят, грех этот материнский ложится не только на мать, а и на других детишек. Страшно как!

Алина в ожидании смолкла. Сколько трагедий... от одной ошибки?! Ужас какой! Неужели, правда?

– Да какое детоубийство? – возмутилась Алина. – Я не убивала детей! Там был еще не ребенок.

– Э-э-эх, милочка моя, а кто там был? – саркастически протянула бабуля. – Кто поселился в твоей утробе, если не дитя? Червяк? Уже и врачи, не то, что духовники, признали, что ребенок с зачатия слышит свою маму. Если не слышит, то чувствует. А я тебе скажу, что душа сразу в ребенка вселяется! С тех пор, как Бог решил, что этому ребенку должно родиться. **А если кто-то забеременел, значит, по воле Бога.**

«Ага, – иронично подумала Алина, – если кто забеременел, то от дури в башке и нежелания предохраняться».

– **Желательно или не желательно – не нам решать, – будто прочитала мысли назойливая бабка. – Случилось – значит, нужно по какой-то причине. А то привыкли себя оправдывать: «нежелательная беременность». Все желательное, что от Бога. А все остальное – от пустоты в голове и черствости в сердце.**

Молчала... С недовольством плямкала губами, чем невысказанно раздражалась. Алина уже начала погружаться в

свои мысли.

– Но знаешь... – с внезапной мягкостью в голосе продолжила бабулька. – Вот ты молодая... молодые обычно не особо приветствуют к Богу обращаться, молиться, грехи исповедовать... всё думают, что глупости это, не поможет ничего... что жизнь такая – вот и весь ответ... Но вот ты попробуй: сходи в храм, с батюшкой поговори, помолись... если хоть немного веришь... хоть чуточку. Пока есть надежда, надо действовать. Пока есть шанс...

– Простите, но я не думаю, что именно это способно решить мою проблему, – категорично отрезала Алина. – Тем более, врачи казали точно: «нет».

– Ясно. Врачам проще верить. Но знаешь, говорят, всё всегда к лучшему. Откуда ты знаешь, каким ребенок мог родиться? Может, Бог не дает тебе дитя во благо? Тебе это покажется жестоким, но я по себе сужу: мучиться с инвалидом тоже нелегко – и ему жизнь в тягость, и тебе... и тебе зияющая рана в сердце до последнего дня.

Помолчала чуток, потом опять продолжила:

– И все же уверенна, что меня Бог за аборт наказал. Ведь кто из нас хорошо головой думает, когда на детоубийство соглашается? Я, когда аборт делала, от людей-то позор скрыла... А какой это был позор в те времена – забеременеть не от мужа! – запричитала, схватила за голову. – И вот что получилось: **от людей позор скрыла, а пред Богом нагишом стала...**

– **Каким нагишом?**

– **Да всю грязь в своей душе напоказ выставила. От людей спрячешься, а от Бога – нет.**

«Да зачем я вообще с ней разговариваю? – пронеслось в мыслях. – Когда она уже выйдет? Зацепилась на мою голову... И так тошно...»

– А я вот... – старушка отвела грустный взгляд в окно, – я так жалею, что когда-то не послушала совета одного человека – своей мамы... может тогда хотя бы младшему смогла помочь. А теперь всё так сложно!.. Хоть и не невозможно! – с последними словами старушка приободрилась. – **Мало кто понимает, что Бог может всё. И только Ему подвластно то, что врачи сделать не в силах. Потому что врачей тоже создал Бог. Ну да ладно...**

Заметив, что стала нагружать собеседницу, бабулька улыбнулась и с ободрением произнесла:

– Ты не отчаивайся, всё хорошо будет! **Всегда можно взять себе карапуза из приюта. Ему ты нужна не меньше, чем он тебе.** А вон, и сестра моя... со своей сворой.

Какая сестра? Алина вздернула голову и увидела перед собой еще одну бабульку, а вокруг нее толпа детей: чумазы, худенькие, кто без одежды, кто в лохмотьях. А один – вообще на руках, малюсенький совсем.

– Господи, так это моя ведь бабулька! – выдохнула девушка. – Бабуль, как ты тут?..

Но та будто и не замечала родной внучки, а обернулась к

бабке, которая сидела рядом с ней:

– Марусь, есть просят... смотри, сколько их! А где я возьму им? Говорят, к Алинке пойдут просить. Да может, и правда, она накормит?

– Да она бездетная, может и возьмет кого... – махнула головой та в сторону Алины.

– А ведь все мои! Все мои! – вдруг зарыдала баба Уля. – Куда я, глупая, смотрела? О чем думала, когда убивала? Господи, всю жизнь от вины терзалась... А теперь они за мной, как хвостики. Алин, покорми детей... дай им покушать чего-нибудь, а то душу мою съедят по частицам...

Господи, сумасшествие какое-то! Что происходит-то?

– Баба Уля, ты ведь умерла... – пролепетала тяжелыми губами Алина. – Как ты могла их убить?

А у самой вопросов в голове крутилось куда больше. Что за бред-то? Разве бабуля была способна на такое? Всю жизнь всех любила да жалела. И что за дети? Как их покормить?

– Да как она еще могла убить? – вдруг проговорила бабка Маруся. – Раньше так абортывали и делали: убивали, доставали да выкидывали. Бывало и сами делали, когда денег не было. Уже знали, как да что. Выпьешь гадость какую... и ждешь...

– Ужас какой... выкидывали, – продолжала лепетать опешившая Алина.

– Конечно ужас! А ты думала, куда их? Ну да, сейчас не выкидывают. В лаборатории сдают...

Начинало тошнить. Алине казалось, что вот-вот и она вы-

рвет прямо здесь. Голова кружилась... Больше не хотелось ничего слышать. Перед глазами картина, как ее бабуля закапывает окровавленные трупы детей.

– Вот и ты поэтому забеременеть не можешь... еще и аборт собираешься делать... лучше этих возьми, покорми... – причитала бабка Маруся. – Покорми детей, слышишь? Дочка! Дочка!

Последние слова расплылись эхом, а лицо бабульки почему-то устремилось на Алину и стало навязчиво шептать:

– Девушка! Девушка!

В какие-то секунды морщинистые и добродушные черты собеседницы разгладились, превратившись в моложавые и малоприятные. С испугом осмотревшись, Алина не увидела ни бабулек, ни детей. Только эта женщина... кондуктор?.. Нет, водитель трамвая.

Бросив взгляд в окно, пассажирка подскочила. Боже, конечная! Алина перепугано оглянулась по сторонам. С ума сойти, возвращаться на несколько остановок! Господи... что вокруг? Где я? Где карточка? Где люди?

– Девушка! Выходите! – торопила ее водитель. – Мне в ДЕПО заходить надо.

И только дуновение прохладного воздуха привело Алину в чувство: ей по-прежнему двадцать, она та же «залетевшая» от нерадивого возлюбленного студентка... И ехала она как раз в больницу на операцию по устранению нежелательной беременности...

Спустя какое-то время она очнулась на земле: стоя на коленях, сжимала в руках землю. И только сейчас поняла, что рыдает во все горло. Странно как! Че плакать-то, если ошибка еще не совершена?.. Сон казался таким реальным, что весь стресс происходящих в нем событий Алина пережила всем своим несчастным существом.

Внутри нее прошла какая-то волна... Может ребенок зашевелиться? Нет, еще не время. Хотя врач говорила, что плод уже большой...

Нужно взять себя в руки и подумать. Время? Она посмотрела на часы. Ах да, сейчас она должна быть на операционном столе. Уже все, опоздала, проспала, проехала. Значит, так надо. «К лучшему», – объяснилось в голове.

Сейчас надо углубиться в сон, пока еще все помнится. Столько информации дано!.. Понять бы, что к чему.

Почему баба Уля-то приснилась? Марусю эту Алина никогда и не знала! Аборты в те времена делались как попало, – это да. Баба Ульяна в церковь ходила, – да. И говорила часто, что за какой-то грех Бог никогда ее не простит... Может, в этом как раз дело?

"Вот и ты забеременеть не можешь!" Да она-то смогла! Но намек, кажется, был на то, что цепочку этого греха остановить надо, а то род страдать продолжает. Слышала она, Алина, о родовых грехах... слышала!

Так. Опять каша. Что получается? За то, что баба Уля делала аборты якобы пострадала ее дочь и едва не пострадала

внучка... Ага, племянница бабкина тоже удочеряла детей – не было своих... А у той племянницы братья были... Точно! Один из них инвалид – правда! Алина даже вспомнила, что в отрочестве была у него на похоронах. Все сетовали вокруг: «прожил жизнь зря, мучаясь», «боль матери», «наказание». Но никакой Маруси она не помнит. Мать того инвалида умерла еще до его смерти.

Что получается? Сделай она аборт, то не смогла бы забеременеть, потому как добавила бы себе искупления по полной программе и за предков, и за свое? Поверить в это тяжело, но как сон легко объяснился и увязался с реальностью! Как тут не верить?

То, о чем просят во сне умершие, говорят, надо выполнять. Детей покормить... как покормить погибших, убитых абортom детей? Обычно на кладбище поминальное носят, что-то там в церкви заказывают, а тут у детей-то ни имени, ни могилы...

– Тётя, дай денежку, – устало подняв голову, Алина устремила заплаканные глаза на мальчишку лет восьми.

Беспризорник? Лицо чумазое, одежда грязная, местами рванная, худющий, и глаза тоскливые, смотрящие на нее то ли с мольбой, то ли с жалостью... Так похож на тех, которых она рядом с бабой Улей видела.

– Кушать хочется? – спросила Алина.

– Да, – кивнул мальчишка.

– Почему не в приюте?

Тот молчит.

– Сбежал?

Кивает.

Задумчиво зажав губы, она не знала, что и делать – продолжить изумляться, или истерически хохотать. Просто потому, что сегодня не успеваешь появиться вопрос – возникает ответ.

Господи, бедные дети! Ведь они всегда страдают не по своей воле! За себя они не страдают – разве у них есть свои грехи? Грехи или карма (очень модное слово, между прочим) – без разницы! **Вывод один: думать надо о том, что делаешь уже сейчас, а не когда-нибудь на пенсии. Потому что дети страдают за грехи взрослых. И порой это непоправимые страдания.** Вот мальчик этот... Она посмотрела на него с грустью: мальчишка-то, наверное, осиротел?

– Как в приют попал? – вдруг произнесла вслух мысленный вопрос.

– Родители отказались, – недовольно хмыкнул он. – Не нужен им оказался... Видать, есть дела и поважнее...

Господи, сколько взрослого осуждения в словах ребенка! Сглотнув слезы, Алина протянула ему яблоко, завалившееся в сумке.

– Пойдем, я тебя покормлю, – сказала она, беря его за руку. – Да и переодеть тебя надо.

Идя по дороге к остановке, она расспрашивала мальчи-

ка о его жизни, а сама понимала: детей кормить, лишившихся родительского попечения, сиротам помогать. Так может и бабушкин грех простится.

Правда ли всё это? Разве может ТАКОЕ просто так при-
сниться? И мальчишка этот... она посмотрела на мальчика.
Мальчишка кем послан? Ну и чудеса!

Через несколько лет у Романа и Алины Пономаревых рос-
ло пятеро детей – двое своих и трое детдомовцев. И деньги
нашлись, и жилье, а главное – любви на всех хватило.

История 5. Где прячется счастье?

– Мама! Мамочка, посмотри на меня.

Маленькая Лизонька стояла на носочках и, схватившись за край стола, тянула ручки к румяным пирожкам. Мама с улыбкой наблюдала за упрямыми попытками дочери.

– Горячие еще, – сетовала она. – Подожди немного.

Насупившись, девочка скрутила пухлые губки бантиком и проговорила:

– Опять ты мешаешь. Твой ребенок хочет быть счастливым... Мамы всегда мешают радоваться...

Расхохотавшись, женщина присела на стул, чтобы оказаться на уровне белокурой дочери.

– Почему это мешают? – она попыталась заглянуть доченьке в глазки. – Я думала, помогают.

– Только говорят, что помогают, а на самом деле мешают. – Нарочно отвернувшись, Лизонька деловито смахнула ручками светлую прядь, упавшую ей на лобик.

– Вот как? – наигранно возмутилась мама. – И кто это тебя на такие мысли надоумил?

– Сама догадалась, – горделиво отвечала пятилетняя Лизонька. – Вот вчера я хотела порисовать красками, а ты не разрешила!

– Ты была в красивом платье и могла испачкаться.

– А я хотела... очень-очень хотела рисовать! – сжав пухленькие кулачки и зажмурив глаза, воскликнула Лиза. – Потому что рисовать – это такое счастье для детей!

«Какие иногда взрослые фразы у малышей», – подумала мама, едва сдерживая умиленный смех.

– Хорошо, – состроив серьезное лицо, согласилась женщина. – А расскажи, доченька, как это – быть счастливой?

– Счастливой – получить то, что хочешь, – звонким голоском протараторила малышка. – Взять то, что тебя порадует.

– То есть счастье только в сладком и игрушечном?

– Да, – кивнула головой Лиза.

Мама с сожалением вздохнула, позволив дочке схватить желанное лакомство. Та впопыхах принялась с усердием дуть на ароматный пирожок.

«Да, взрослые, и правда, мешают детям быть счастливыми, – проскользнуло в мыслях у мамы. – Только... Как именно? Может быть, искаженными убеждениями? Возможно, не те ценности мы вкладываем в детей?»

– Лизонька, а ты видела когда-нибудь счастье?

– Мне кажется, внутри этого пирожка оно есть. В прошлый раз бабушка мне туда положила копеечку.

Женщина закатила глаза: сколько еще ребенок попробует на вкус монет? Но речь сейчас не о том.

– Мне кажется, счастье не в пирожке, – мечтательно проговорила мама.

– А где? – смешно вытаращив голубые глазки, заволнова-

лась девочка.

– Пойдем, поищем. Возможно, оно где-то прячется.

Поспешно запивая доеденный пирожок компотом, Лизонька торопилась на волшебные поиски. А ведь правда, где прячется счастье? У него должно быть невероятное укрытие!

Они вышли со двора и потихоньку прошли в сквер неподалеку от их дома.

– Мама, счастье на детской площадке? – с сияющими глазами спросила девочка.

– Не знаю, – улыбалась мама. – Сначала давай здесь посмотрим.

– Где посмотрим?

– Рядом посмотрим. Вокруг посмотрим. Ты что-нибудь видишь?

Но, казалось, девочка её не услышала. Покружившись вокруг себя, Лизонька расправила складки своего платьяца, мечтательно полюбовалась вышитой на груди бабочкой и погладила белые кружева на рукавах.

Мама терпеливо ожидала, пока дочь накрусует. Наконец, подняв прищуренный взгляд, Лиза спросила:

– А красиво одеваться – это счастье?

– По твоим понятиям, да, – смеясь, отвечала женщина. – А на самом деле, что?

– Что? – округлив глазки, в ожидании спросила Лиза.

– Платье твое износится через год, или ты из него вырастешь, – объяснила мама. – И всё! Это счастье закончится.

– Тогда мы новое купим! – торжественно воскликнула девочка.

– А вдруг денег не будет? – предположила мама. – Или не окажется возможности? Тогда что, получается, счастья не будет?

Девочка задумалась.

– Тогда... тогда... я съем еще один пирожок!

– А вдруг до тебя его съест кто-то другой?

– Тогда... тогда я поиграю в игрушки!

– А если они сломаются?

У Лизоньки на глазах выступили слезы.

– Так что же это? Счастье может сломаться? Счастья может не стать?

– В том-то и дело, моя хорошая, – с любовью в голосе мама присела на корточки и заглянула в лицо дочурки, – **истинное счастье никогда не ломают, не съедят и не продадут!**

Задумчиво пожав плечами, Лизонька прошла по тропинке вперед и вдруг заверещала.

– Мама! Баба-дед! – воскликнула она и бросилась к цветам, где посреди высокой травы колыхался один большущий одуванчик, который незамедлительно оказался в пухленьких ручках. – Баба или дед?

– Баба, – рассмеялась мама.

– А я сейчас так дуну, что сразу дед получится! – хохотала Лизонька, но дунуть так, как обещала, не смогла и с оду-

ванчика слетело всего несколько волосинок. – Ну и ладно! Тогда пойду поищу жучков в траве, найду их и потом спрячу в банку.

– Зачем в банку? Зачем их ловить?

– А может, они знают, где счастье? Я спрошу!

– А разве может кто-то несчастный знать, где прячется счастье?

– Жучки несчастные? Почему это?

– А если тебя закрыть в комнате и не выпускать, ты будешь чувствовать себя счастливой?

– Наверное, нет.

– А еще, доченька, я тебе один секрет расскажу, – шепнула мама, присела на лавочку и притянула к себе ближе дочку.

– Какой?

– Не может стать счастливым тот, кто делает другого несчастным!

– Если я посажу жучков в банку, я не буду счастливой?

– Значит, ты не найдешь счастье.

– Почему?

– Потому что получается, ты украла чужое счастье. Для жучка счастьем может быть его свобода... а ты его в банку...

Возможно, сложновато для ребенка, но ведь дети понимают больше, чем взрослые, потому что мыслят сердцем.

– Мама, смотри! – внезапно воскликнула Лиза. – Что за птица с красным хвостом? Я сейчас же ее поймаю. Сейчас. Смотри! Мамочка!

Неуклюже перепрыгивая траву, неутомная девочка бежала вдогонку птице.

– Поймала? – говорила мама, когда Лизонька с порозовевшими от быстрого бега щеками вернулась к ней.

– Нет.

– Птицы тоже любят свободу!

– Но ведь у моей тёти птица живет в клетке... Она там кушает и прыгает...

– А ты слышала хоть раз, чтобы она пела?

– Нет! Ни разу не слышала.

– А вот сейчас прислушайся.

Девочка замерла. В сквере стоял ликующий переспев птиц.

– Весна в разгаре, – объясняла мама. – Многие птицы вернулись, чтобы петь для нас.

– Как красиво! – выдохнула малышка. – А может, счастье у них, мамочка? Если они все время поют? И так красиво!

– Всё может быть, доченька. А что ты чувствуешь, когда слушаешь их?

– Не знаю. Поют красиво, мамочка.

– А сердечко твое слушает?

– Птичек?

– Да. Спроси у него.

– Сердечко, ты слушаешь птичек?

– Что отвечает?

– Ой, мамочка, оно тоже поет.

– Правда?

– Да! Наверное, ему нравится песенка.

И девочка затанцевала. Мама улыбнулась, когда Лизонька схватила ее за палец и потянула:

– И ты танцуй, мамочка. А то скоро птицы опять улетят на зиму.

А ведь и правда, в одно мгновение пролетит время и настанет осень. Значит, танцевать нужно сейчас!

– Что-то я устала, – отбросив косички на плечики, вздохнула Лизонька. – Надо поскорей найти счастье и идти спать.

Они прошли дальше по скверу и увидели бегущего навстречу годовалого мальчика, неуклюже передвигающего полными ножками.

– Мама, смотри! – радостно закричала девочка. – Этот малыш такой радостный! Может, счастье у него?

– Счастье может поселиться у всех.

– Как это? Не может такого быть! – почему-то нахмурилась Лиза. – Ты меня обманываешь. Счастье – ведь оно одно, оно не может быть сразу у многих!

– Но солнышко ведь тоже одно на всех, – мама показала рукой в небо. – Но умеет каждому подарить лучик тепла, правда?

– Да.

– Вот так и счастье.

– Пойду у малыша спрошу, где он взял счастье.

Но малыш что-то пролепетал в ответ, пробежал к голу-

блям, тут же разлетевшимся в разные стороны, и расхохотался.

– Малыш счастливый, – заметила с улыбкой Лизонька. – А я? Мама, а я счастливая?

– В том-то и дело, моя хорошая. Каждый человек счастливый. У каждого свое счастье!

– А у тебя какое счастье? «В чем оно?» —внезапно спросила Лизонька, а мама прижала к себе дочурку, все сердце отдавая в эти объятия.

– В любви! – шепнула она на ушко девочке. – Человек счастлив, когда любит!

– Я люблю солнце! – сощурившись, улыбнулась лучикам Лиза и принялась вновь танцевать вокруг себя. – А еще я люблю маму и папу! А еще люблю этот цветок. А еще... Шарика. А еще люблю рисовать. А еще люблю... Мама, я много раз счастливая, правда? Так что получается, счастье оно везде, что ли?

У мамы на глазах заискрились слезы. Как у детей так получается – все легко и радостно?

– Счастье всегда в сердце, доченька. Мы его часто не замечаем, потому что красуемся тем, что видим глазами.

Лизонька не слышала ответ мамы, а в танце устремилась по узкой тропинке, чуть углубившейся в зеленую зону сквера. «Так, – подумала мама, – нужно завершать эти поиски. Все объяснить и идти домой».

Только женщина об этом подумала, как девочка споткну-

лась. Удержавшись на ножках, она вдруг увидела рядом с собой пенёк, сухой и потресканный. И прямо из глубокой трещины посередине росли... цветы. Разные – желтые, белые и лиловые. Такое чудо небывалое! Разноцветный букет прямо посреди умершего дерева.

– Мамочка! – вдруг ахнула малышка. – Они выросли и зацвели!

– Как в старом безжизненном пне растут цветы, – задумчиво говорила мама. – **Вот так и счастье, моя дорогая, живет в нас – в таких хмурых и недовольных сердцах незаметно цветет и благоухает. А нам кажется, что у нас ничего нет, и мы всё ищем, ищем, ищем... а находим платья красивые, пирожки вкусные да игрушки.**

Девочка задумалась, пожала плечами, тронула пальчиком лепесток цветка и бросилась вприпрыжку обратно к дому. Поиски завершились.

Счастье – это радость, и у каждого она своя. Нам просто почаще нужно заглядывать в свою душу...

История 6. «Как две мамочки третью судили»

– Слышала, малой Ленки из второго подъезда руку сломал? – почему-то не сдержала улыбки Наташа.

– Ну так, неудивительно! Смотреть за ребёнком нужно! – возмущённо ответила Рита. – А он без матери всё время... То с пацанами какими-то гуляет, то сколько раз его видела со старшеклассниками. Кирилл его зовут, да?

– Кажется, да. А ведёт себя как. Бывает, выругается, Денис приходит, повторяет. Я ему говорю: это невоспитанный мальчик, не дружи с ним.

– А что ты хотела? Его растит мать-одиночка, отца нет. Вот и творит что попало. Пацана улица воспитывает.

– Мой муж вообще сказал: чтобы близко его не было возле нашего. Выйдет, голову оторвёт.

– Ой, да. Надо повнимательней к нему, а то знаешь... с кем поведёшься... – рассуждала Рита. – Недоумков малолетних много, поведут по плохой дорожке... пример покажут, не успеешь глазом моргнуть.

– Эй, ты, недоумок! – послышался голос ребенка. – А ну, сюда иди!

Обе мамы переглянулись.

– Это кто сказал? – вытаращилась Маргарита. – Прибью сейчас...

– Твой вроде, – пожала плечами Наталья.

– Мой? А ну сюда иди! Мирослав! Я тебе сейчас дам недоумка! Ты на кого так?

Схватив семилетнего мальчишку за шиворот, маманя принялась тягать его за уши. Пока Мирослав завывал от воспитательных пинков, раздался ещё один детский плач.

– Ох, это мой! – воскликнула Наташа и бросилась к своему чаду. – Денис! Денис! Что случилось?

– Он упал с качелей, – помогая ему встать, произнёс тот самый Кирилл. Здоровой правой рукой он поддерживал мальчика, а левая, и правда, была загипсована.

– Это ты его толкнул? – набросилась на него соседка, но тут же спохватилась и принялась успокаивать своего шестилетнего сынульку.

– Я его не толкал, – попытался объяснить Кирилл. – Он...

– Да расскажи мне! – заверещала Наталья, замахнувшись на чужого ребёнка. – Хватит того, что ты весь двор на уши поставил. Все воют от тебя! Надо подать заявление, чтоб за твоей матерью понаблюдали. Может, тогда твоим воспитанием займётся.

Пропустив мимо внимания застывшие в глазах слезы мальчика, Наталья на руках понесла чадо к подруге, уже усевшейся на лавочку и тискающей своего Мирослава в объятиях.

– Ну все-все, сынок, я знаю, что ты так больше не будешь. Ты ведь умненький у меня мальчик, правда? Не то что некоторые, – Маргарита бросила разгневанный взгляд в сторону Кирилла, понуро склонившего голову и шедшего к своему подъезду.

– Представляешь, – подпрыглась подбежавшая Наталья, – я этому... точно голову оторву! Он толкнул моего малого! Всё мужу расскажу, вот будет им!

– Никто никого не толкал! – послышался возмущенно-раздраженный голос со стороны.

Мамочки обернулись на двух бабулек, тихонько сидевших на лавочке и наблюдавших за происходящим на площадке. А бабушки-то о-о-очень внимательные – ничего не упустят, все запротоколируют и вынесут вердикт.

– Ваш Денис раскачался и метил ногой в Кирилла попасть, прямо с качелей этих. Да и перестарался, соскользнул. А тот подальше стал, наблюдал за ним. А потом подбежал и помогать начал.

– Ага, сначала раздражил, – съехидничала Наталья, – а потом поднимать он стал.

– И слова плохого от этого Кирилла ни разу не слышала, – продолжала старушка. – Вежливый мальчик. Всегда подойдёт, поздоровается. А ваши несутся, с ног сбивают.

– Вы, голубушки, – с назиданием в тоне обратилась вторая бабулька, – вместо того, чтоб косточки другим мамам перетирать, за своими детьми следили бы. А то пока вы су-

дили-рядили о жизни тех, кого вы толком и не знаете, ваши дети тут начудили, всю площадку на уши поставили. Бог вам и даёт понять: на себя смотрите, прежде чем о других сплетничать...

– Ой, кто бы говорил, – саркастично запела Рита. – «Судили-рядили». А сами вы, чем тут сутками занимаетесь? На этой лавочке только сплетни и разносите!

Хотелось продолжить демагогию и развить скандалчик, но тут первая бабулька обратила их внимание на отвлекающую картину:

– Вон ваш нерадивый сосед Кирилл, который дурной пример детям подаёт, тащит одной рукой тяжеленную сумку мамы. А она со своей второй работы плетётся, потому как тяжело им приходится. Из-за этого и с ребёнком редко ее видите. Мать-одиночка ведь. Тут вы правду сказали. Муж умер у неё, мальчик едва родился.

Кирилл, и правда, перекосившись в одну сторону, нёс пакет. И при этом, что-то беспечно и весело рассказывал, от чего мама радостно улыбалась. Опустив глаза, две соседки-мамаши не проронили больше ни слова.

История 7. Верить как ребёнок (о детдомовце и скрипаче)

Детский носик с любопытством уткнулся в окно, оставляя на стекле запотевший след дыхания. Глазки мечтательно устремились на улицу, где под непрерывно сыпающим снежком бывший обитатель детдома усаживался в автомобиль со своими новыми родителями.

– Вот Димку и забрали, – вздохнул Андрюшка и с грустью посмотрел на малышей, копающихся в коробке с детскими игрушками. – Когда же за нами придут?

– Не надейся, что всех нас обязательно усыновят, – хмуро произнес девятилетний Ваня, вдумчиво рассматривая детали от паровозика. – Так везёт не всем.

– Почему это ты так думаешь? – Андрей старательно пытался обратить на себя внимание друга, хотя тот продолжал делать вид, что его занимает дело куда поважнее обсуждаемой темы – сломанная игрушка.

– А потому что выбирают самых красивых, хороших и здоровых, – с напускной усмешкой объяснил Иван. – Ты вон какой лопухий! Да и поведение плохое. Не возьмут.

– А я исправлюсь! – надрывисто воскликнул Андрюша, пряча в себе обиду на колкие замечания друга. – А я буду

стараться!

– Ну и старайся. А меня все равно не возьмут, – насупленно буркнул Ваня, ставя исправленный паровозик на обломки железной дороги. – У меня болезнь неизлечимая. Такие, как я, никому не нужны.

– А что же ты, – разочарованно захлопал ресницами шестилетний Андрюшка, – даже не помечтаешь? А Деду Морозу письмо написать? А Бога попросить? А... желание загадать?

– Хватит уже в сказки верить! – рассердился не на шутку Ваня. – Никто нам не поможет. Волшебства не бывает. А мечта... – лицо мальчика засияло надеждой, заискрившейся на дне голубых глаз. – Мечта у меня одна: научиться на скрипке играть. И то, хоть бы успеть... пока не умер... Но всё это нереально, – подобно взрослым Иван сомкнул губы и развел руками. – Учителя по музыке у нас нет и искать его никто не будет. Так умру, без скрипки.

– Почему именно скрипка? – пожал плечами Андрюшка.

– Услышал нечаянно ее вживую. Шел с Катериной Олеговой в переходе, а там музыкант играл. У меня по телу пробежали... эти... как их?... Мурашки! А потом... потом я как будто над землей поднялся... Эта музыка до сих пор у меня в ушах. Хочу научиться... хочу, чтобы так душа все время летала. Хочу просто, и всё.

Сирота в детдоме взрослеет быстро – никто не щадит детское сознание удручающей правдой, мало кто переживает

о травмированной душе. Да и вынужденная самостоятельность содействует ускоренному развитию не по годам. Самостоятельность, вызванная чувством одиночества, оставшимся в сердце после потери родителей.

Ванечка был младенцем, когда от него отказалась мама. В том же возрасте он сильно заболел, перенес несколько тяжелых операций и по сей день мучился от нестерпимых болей: его недуг будто заставлял помнить о поступке родителей. Не забывала и душа, тайно хранящая в себе пережитую трагедию, и знающая даже то, что уже давно оставило сознание.

Да, приходили с интересом усыновить, но ни одна семья не решилась взять на себя ответственность за страдающего мальчишку – нужен особый уход. Ведь врачи нередко говорили, что в любой момент он может умереть. К тому же любви у родителей должно быть больше, чем желания перевоспитать. Потому что это как раз тот случай, когда душу ребенка нужно исцелять заботой и сердечным теплом, и только потом – дисциплиной.

Обманутые надежды, боль одиночества, равнодушие воспитателей, относившихся к детям, как к предмету своей работы, заставили Ваню иначе смотреть на мир. Глазами взрослого, оскорбленного равнодушием человека.

Беседа мальчишек произошла под Рождество, и в скором времени в жизни обоих случились два чуда. Буквально через две недели за Андрюшкой пришла семья, когда-то давно

наведавшаяся к мальчику. Оказалось, что внешне он очень походил на своего приемного отца – глазами, овалом лица и даже ушками.

Прошло еще немножко времени, внезапно и Ваню вызвали в кабинет директора. Там его представили седовласому дядечке с добрыми глазами, смотревшими на мальчика радужной улыбкой.

Взгляд мальчика скользнул по рукам гостя и остановились на волнообразном футляре, аккуратно уложенном на колени. «Скрипка!» – с восхищением ликовали Ванины глаза. Но тут же, будто опомнившись, он с недоверием сдвинул брови и насупился. Что за подозрительный добряк?

– Недавно мне попало в руки письмо, – умиротворенным голосом объяснил дядечка, – в котором мальчик с твоим именем и адресом проживания просил Деда Мороза найти учителя-музыканта. Поздновато я пришел, да. Праздники-то прошли. Но письмо это затерялось у старика и только вчера попало мне в руки.

Глаза Вани вдруг мечтательно засияли, и будто отступила та взрослая серьезность, часто в нем преобладающая... но только на мгновение. Окрыленный надеждой взгляд быстро «приземлился» жестоким воспоминанием: чудес не бывает.

– Неужто ты не писал письмо? – с досадой спросил дядечка и зачем-то подмигнул недоумевающей директрисе.

– Ну... – пожал плечами Ваня. – Ну, писал. Давно было, – он сердито буркнул, не желая делиться сокровенной тайной.

«Что же ты, сынок, веру свою прячешь? – чуть не плача, думал старик. – Неужто люди так жестоко издевались над тобой, что ты насильно заталкиваешь в себя радость эту – мечту свою? Иль так разочароваться боишься?»

– Стало быть, мечта есть? – скрипач заискивающе заглядывал в глаза детдомовцу, надеясь рассмотреть в них ребячий задор, надежду, или хотя бы маленький огонек желания воспользоваться шансом.

– Есть, – с печалью сжал губы мальчик.

– Вот хорошо-то как! – возликовал гость. – Я уж думал, что напрасно пришел! Дело вот в чем. Не играю я, пальцы уж, как деревяшки стали. Давно уже хотелось мне передать свою скрипку по наследству, – сказал вдруг дядечка, показав мальчику музыкальный инструмент. – Сейчас хотел отдать. Да некому! Нет достойных учеников. А тебе хотелось бы получить такой подарок?

– Да-а-а! – вдруг радостно, совершенно несвойственно для себя, воскликнул Ванечка, и директриса перевела на него изумленный взгляд.

– Но не все так быстро, – предупредительно сказал скрипач. – Хотелось бы увидеть твой серьезный подход к делу. Поэтому вначале я научу тебя... Если, конечно, директор не будет препятствовать...

Детские глаза со страхом ожидания посмотрели на строгого учителя. «Ни за что не разрешит! Она ведь меня не любит!» – подумал Ваня, всем сердцем сожалея о тех выход-

ках, которые допускал в своем поведении. А в приступах обострения болей он часто неосознанно выкрикивал взрослую ругань и даже разбивал все, что попадалось под руку. И он хорошо помнит, как тогда его хотели отдать в психиатрическую больницу, ибо не знали, что с ним делать. Но тогда за него отважно заступилась психолог, пытавшаяся помочь мальчику.

Очевидно, не желая выступить перед скрипачом равнодушной особой, директор не решилась препятствовать благородному жесту гостя и сказала:

– Одобрю, если только Ваня будет действительно учиться, а не пакостничать.

Уроки по музыке проходили несколько раз в неделю. После окончания школьных занятий Ваня нетерпеливо ожидал учителя по музыке у окна, встречая его улыбкой, а затем со всех ног летел по коридору. И глядя на него, Николай Иванович вдруг стал понимать, так мало мечтать... и так важно мечтать, как ребенок. И еще важнее – лететь на всех парах к своей цели, отбросив прочь все сомнения...

Мальчик быстро учился, и в нем отмечались волшебные способности. Без нот, которые остались в планах учителя «на потом», дабы холодным официозом не подавить в ребенке любовь к музыке. Сначала, пусть заиграет детская душа в протяжном ритме чувствительной скрипки.

Да и сам музыкант уходил от мальчика в состоянии неве-

сомости, некоей прострации: чувствуя себя каким-то неземным, он спешил домой, и, едва переступив порог своей квартиры, хватался за скрипку, вальсирующую в его руках под новый и первый шедевр, созданным им самим. Его душа отрывалась от земли, словно увлекая за собой и тело. «Танцуй счастьем», – что-то пело внутри него.

И в начале этой мелодии звучали аккорды тоски: потеря любимой супруги в далекой молодости, томительное одиночество, и даже равнодушие к жизни. И все же временами плач скрипки сменялся на ноту счастливых мгновений: встреч с племянником Василием, ставшим отрадой, поддержкой и даже поклонником печального скрипача... Именно этот племянник недавно стал приемным отцом мальчика Андрюшки, который, рассказывая о друзьях из интерната, поведал новой семье рассказ о Ване.

Сердобольный Николай Иванович просто не смог остаться равнодушным к трогательной истории оставшегося в детдоме мальчишки, поэтому решительно взялся помогать ему.

И вот два ребенка, с которыми старика так тесно связало тоскующее по детскому теплу сердце, вдруг заставили многое осознать, сожалеть и воспарять духом, – в любви нуждается немало людей вокруг, считающих себя одинокими и несчастными, разучившихся радоваться жизни, бередящих в сердце протяжные аккорды тоски и уныния, в этом томительном звучании которых вера способна прослушаться лишь обладателем самым тонким слухом.

Почему мы считаем, что любить можно близких и родных, а если их нет, то и любить вроде как некого? А почему бы, спасаясь от одиночества, не найти души, нуждающейся в обоюдном тепле и заботе? Не в этом ли счастье – в любви без условностей? Так нужно разбудить ее в своем уснувшем от печали сердце, окрылить ее надеждой, и поднести в подарок нуждающейся душе в обёртке из бережных объятий, искорок заботливого взгляда, согревающей улыбки.

С таким рвением неслась душа Николая Ивановича на каждую встречу с мальчиком-сиротой.

Конечно, хотелось его усыновить, но кто даст добро это сделать пенсионеру? Тогда он решил попросту проводить с Ваней столько времени, сколько ему предоставит администрация интерната. Что странно: директриса не препятствовала их общению. И спустя время объяснила это тем, что врачи отметили странное улучшение в здоровье ребенка. А психолог все обосновала:

– Ничего странного, мальчику просто не хватало любви... Через музыку и общение он ее получает.

Но врачи и педагоги не знали еще одного момента: мальчик чувствовал себя нужным своему учителю, а учитель крайне нуждался в нем. И они спасали друг друга, помогая ожить и затрепетать под звуки скрипки уставшей от одиночества души.

Восемнадцатилетний Ваня вел под руку своего единствен-

ного отца, некогда ставшего не просто отдушиной, но и частью его жизни. Частью жизни, исцеленной счастьем.

– Эх, Ванечка, зачем тебе старик? Тебе, студенту, которому нужно устраивать свою жизнь? – сетовал седовласый скрипач. – Я-то тебе только в нагрузку буду. Шел бы жить в общежитие, среди молодежи. Стипендия тебе будет... Друзья рядом...

– Пап Коль, – тихо смеялся Иван, – я в общегаге уж пожил, спасибо. В семье хочу. С друзьями в институте увижусь. Или ты гонишь меня?

– Да не гоню, сынок. Больной я стал, не хочу молодость тебе попортить...

– Без тебя я уже давно помер бы, пап Коль! – С признательностью сжав руку названного родителя, ответил Ваня. – Помер бы никому не нужный и обозленный на жизнь. Ты спас меня... А как я тебя брошу? Ты ведь отцом мне стал. Единственным человеком, которому я все эти годы чувствовал себя нужным.

Со всей своей отцовской любовью сжав руку мальчишки, папа Коля шел, тихонько шаркая ногами, временами останавливаясь и с благодарностью обращая взгляд вверх, где под самым небом в высокой кроне звенел жизнелюбивый переспев птиц...

Как по-разному может звучать счастье... Наверное, зависит от того, какое оно, – поющее, танцующее, порхающее, или умиротворённое, тихое, безмятежное. Главное, как ре-

бенок, верить в него, в счастье это...